

Наталья Русинова

# ЗМЕЕВЫ НЕВЕСТЫ



Литературный конкурс  
«Огненные Легенды 2023»

**Победитель**

Литрес 



Наталья Русинова

**Змеевы невесты**

«Автор»

2023

**Русинова Н. Б.**

Змеевы невесты / Н. Б. Русинова — «Автор», 2023

В Озерный край пришла беда в виде огромного змея, требующего каждый год по семь красавиц на съедение. Со временем это страшное действо становится ритуалом принесения сакральной жертвы, угодной богам и пращурам. И однажды выбор волхвов падает на Даренку, дочку княжеского сотника. Убитый горем отец тайно идет к заморской ведьме на поклон. Та с помощью колдовства отправляет вместо одной из жертв свою ученицу. Сможет ли юная синеглазая девушка одержать победу там, где не справилось целое войско? Даренка не хочет закончить свои дни в яме с обглоданными костями, но и в жизни ее радости особой не предвидится - впереди замужество с немилым и золотая клетка. Но что, если для хрупкой, но отважной девочки есть иной вариант исхода событий?..Эта история о малых да слабых, которые станут сильными в трудный час. Ибо не на кого им больше рассчитывать, кроме самих себя.

© Русинова Н. Б., 2023

© Автор, 2023

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Пролог                            | 5  |
| Глава 1                           | 7  |
| Глава 2                           | 16 |
| Глава 3                           | 21 |
| Глава 4                           | 33 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 34 |

# Наталья Русинова

## Змеевы невесты

### Пролог

Дождь лил стеной, стуча по худой крыше, бил струями в подставленную под прореху бадью. Пыхали молнии в тяжелых иссиня-черных тучах. Ветви кривой березы хлестали по стенам – наотмашь, с лютой силой, как сечет злой князь юродивого скомороха, посмеявшегося вслух пошутить над прашурами.

Сотник Ратибор устало потер ладонью ноющее плечо.

Эх, взять бы с собой дюжего молодца, поусерднее да поглупее. Так надумает лишнего и разболтает первой же пригожей девке у колодца, как к ведьме заморской с дарами ходили. Потом доказывай, что не ради лихого дела ноги бил. Пришлось тащить поклажу самому, оставив меч в избе деревенского головы. А по пути, проскальзывая по плохой чавкающей дороге, поминать ведьму недобрыми словами.

Нормальная баба взяла бы откуп камушками самоцветными, да шкурками горноста. А этой кольчуга понадобилась, да из чистого серебра. На кой леший она нужна? В первом же бою рассыплется, серебро ведь металл мягкий да податливый.

Но Ратибор жил на белом свете сороковую зиму, и научился за долгие годы не только не лезть на рожон и не рисковать попусту ни собой, ни своими людьми, но и не задавать лишних вопросов. Пусть хоть солью присыплет да схарчит на ужин, ему-то что? Лишь бы дело решилось, как подобает.

Ведьма стояла прямо, расслабив плечи и небрежно кутаясь в аксамитовый плащ, подбитый куньи хвостами. словно в натопленной княжеской горнице, а не в прохуdivшейся заброшенной избе, о которой по всем окрестным деревням ходила дурная молва. Качались звенящие серыги в ушах, плескал по ветру подол платья. Ишь, в сапожках узорчатых явилась, не пожалела в такую погоду обувь в грязи полоскать.

Сколько ей было лет, не знал никто. Внешне – молодая холеная девица с пронзительными синими глазами, с лукавой полуулыбкой. Волосы убраны под платок, повязанный странным манером – на затылке. Ратибор слышал, так морские разбойники головы кутали, чтобы южное солнце не пекло. Смотрела ведьма чуть насмешливо, но без зла, и даже вроде бы с сочувствием.

– Ты знаешь цену, сотник, – сказала она тихим голосом. – За кольчугу благодарствую, но ведь не только это ты должен отдать...

Ратибор вздрогнул и на мгновение стиснул зубы, не давая горю выплеснуться наружу в виде постыдных для ратного мужа слез.

– Согласен, – выдохнул он. – Лишь бы жива да здорова была. Нет ведь у меня других детей, только Дарена и осталась.

– Это неправда, – ведьма оскалила зубы, белоснежные, один к одному, как жемчужинки в дорогом ожерелье. – Сынки у тебя подрастают, по двору уже бегают. Бойкие мальчишки, крепкие, все в отца.

– Некрас с Комелем? – ахнул Ратибор. – Откуда знаешь, что мои? Я же к их матери ходил всего месяц, после смерти Веселы. Кручина заела, хоть в петлю лезь...

– А мать их всегда тебе нравилась, да только на ней никто бы жениться не разрешил, потому как не по чину княжескому сотнику с кухонной девкой знаться? – почти беззвучно рассмеялась ведьма, затем замолкла и поглядела на него ласково, но чуть свысока, как на дитя малое. – Хватит горевать, ты же взрослый мужик, за тобой подвигов – на долгие годы внукам сказки рассказывать хватит. Возьми ее уже и будь счастлив, никто тебе больше не указ, а что

злые языки станут в спину болтать – так плюнь и разотри. Ты ведь тоже ей люб, не замечаешь? Иначе давно замуж бы вышла и жила припеваючи, с ее-то красотой...

– Это верно, – машинально поддакнул Ратибор, и тут же осекся. – Откуда знаешь? И говор у тебя не наш, хоть и на диво понятен. Из каких ты краев?

– Из тех, куда тебе и до конца века не дойти, – ведьма нахмурила брови, оставляя первый вопрос без внимания. – Так что, уговорились?

– Если Даренка захочет уйти к тебе, – твердо заявил Ратибор, хотя в животе крутился холодный ком тревоги. – Иначе зачем это все? Из огня вытащить да в полымя засунуть?

– Клянусь жизнью своей, – ведьма склонила голову, отчего серьги ее зазвенели, словно колокольчики. – Но она захочет. И ты ее больше не увидишь. Весточку она тебе пришлет, не кручинься. Обязательно узнаешь, что дело закончилось благом.

– Сладки слова твои, да насколько правдивы? – проворчал сотник. – Ладно, поглядим. Где орудие, которое ты обещалась дать против гада подколодного? Не вижу у тебя ни мечакладенца, ни жар-птицы, способной испепелить войско врагов.

– Не тревожься, мое оружие пойдет с дочкой твоей, – вновь улыбнулась ведьма и махнула рукой, подзывая кого-то из темного угла.

Из-за балки вышла девчонка. Русоволосая, с длинной косой, крепкая, но на вкус сотника слишком худая. Ростом, пожалуй, ему по плечо будет. Шла она крадучись, бесшумно скользила по прогнившим скрипучим половицам. Одета и вовсе чудно – в штаны холщовые, рубаху с высоким косым воротом, а сверху меховой жилет, подпоясанный ремешком. В руках – битком набитая котомка, на ногах странные сапоги с толстой подошвой, перевязанные ремешками.

Прежде, чем Ратибор открыл рот, чтобы разразиться бранью («Подсунула лядащую девку вместо путного оружия против нечисти многоглавой!»), девка посмотрела на него в упор, и седой сотник, заматерелый в боях, подавился подступившими к горлу словами. У девчонки были тоже пронзительно-синие глаза, как у взрослой ведьмы. И спокойно смотреть в них оказалось невозможно – липкий кромешный страх захлестывал с головой.

Ведьма будто стала выше – и опаснее, сотник невольно сделал шаг назад.

– Для гада ползучего должны были отобрать семь самых красивых девиц из семи окрестных деревень. Одна из них – Марьяна, дочка посадского кузнеца. Она у него тоже одна, а еще – совсем дитя, ей и двенадцати зим не исполнилось. Правду говорю? – ведьма вдруг очутилась рядом с Ратибором, глядя ему в лицо. – Так вот, пусть чадушко останется с отцом. Вместо нее пойдет моя ягодка лесная. Она и по возрасту всяко больше в невесты подходит.

– Но ведь отобрали самых красивых...

– Не переживай, – усмехнулась ведьма. – Завтра Марьяшка покроется чирьями болючими, которые сойдут через неделю без следа. А девок столь красивых у них больше в этом году нет. Возьмете новенькую вместо кузнецовой дочки, и дело сладится, как надо. Не кручинься.

Ведьма хлопнула в ладоши и растворилась в воздухе.

Сотник выдохнул сквозь зубы ругательство и вытер взопревший от волнения лоб. Девчонка смотрела на него также насмешливо и задорно, как и ее наставница.

– Звать-то тебя как, ягодка, кхм, лесная? – буркнул недовольно он, поворачиваясь к выходу.

Девчонка закинула котомку за плечо и молча шагнула за порог, в стихающий ливень. И лишь когда раздосадованный Ратибор нагнал ее, подняла глаза.

– Василица.

## Глава 1

Рассветное небо полыхало алой зарей. Наохлившаяся Даренка сидела в возке, кутаясь в меховое одеяло. Колеса со скрипом проскальзывали по вчерашней грязи, но лошадка шла бодро, не спотыкаясь, и девочка приняла это за доброе предзнаменование. Потому как в ее положении только и осталось присматриваться к знакам в поисках хоть чего-то хорошего.

Зареванные сенные бабы начали украдкой голосить, как по покойнице, еще с вечера. И все пытались сунуть ей с собой в дорогу то пряников на меду, то петушка на палочке, как малому дитяте, а то и рябчиков жареных целый сверток. Пока отец не рыкнул, не унялись.

«Как гуся перед убоем бы раскормили, чтобы змею жрать меня слаще было», – с досадой думала Даренка.

Надо было не есть с зимы вообще, чтобы отощать и перестать быть красивой, тогда отцепились бы волхвы. Но кого забрали бы взамен? В их околотке этим годом только трое красавиц, и она самая старшая, семнадцать летом бы стукнуло... Не будь ее – отдали бы поганому Векшу, у которой братья погибли в первую схватку со змеем, осталась бы ее мать, вдова Онега, одна-одинешенька на белом свете. Или Люблян, что безногому калеке-отцу на старости лет была надеждой и опорой.

Даренка вздохнула и вытерла хлюпающий нос.

Батюшка смирится. Будет плакать ночами, как после смерти матушки, упиваться брагой до беспробудного состояния. А потом возьмет себя в руки, женится на Агашке, признает своими задиристых близнецов и заживет по-новому. С мальчишками проще, да. По крайней мере, их поганый гад в жертву не требовал...

И ведь пытались с ним бороться семь лет назад, когда он только обосновался в горах, прозванных впоследствии Змеиными, и потребовал семь красивых девиц ежегодно. Взамен пообещал не палить деревеньки и города, и защищать от захватчиков весь Озерный край, от горного хребта до морских вод. Людям такой уговор оказался не по нраву, и в первую же зиму сечь гада ушли пять десятков крепких и здоровых молодых. Как оказалось, с концами.

Гад, разжиревший на человечине, явился к весне и спалил ближайшее родовое капище вместе с тремя окружными деревушками. Не пощадил ни старых, ни малых.

Семь девиц были доставлены ему тем же вечером. Родня поплакала да смирилась. Что поделать? Иначе всех сгубит, идолище поганое. И боги да прашуры в этот раз глухи к мольбам детей своих земных оказались, не уберегли никого.

А когда к началу лета змей сдержал слово и сжег дотла нурманские корабли, пришедшие с набегом, селяне и вовсе зашептались, что боги на самом деле им защиту такую послали, от лихих людей. А большая помощь требует и великую цену. К тому же, иноземцы угоняли с собой не только красавиц, а любых мало-мальски приглядных баб, а еще обирали жителей до нитки, оставляя за собой лишь разоренные пепелища. Крылатый ящер брал цену несоизмеримо меньше. Девочек тех – как грибов в лесу в урожайный год, под каждым кустом с десяток сидит.

Так и жили, надеясь, что беда в этом году придет не в их семью, и спешили выдать красивых дочерей замуж пораньше да подальше. А сражаться с чудищем ходили только осиротевшие женихи, что не успели брак заключить.

Конечно, тоже не возвращались. Только в баснях, что старики детям сказывали, добрый молодец в одиночку чудо-юдо побивает. Да и меч-кладенец для этого нужен, а где его взять?

Даренка покосилась на остальных товарок по несчастью, ехавших с ней в том же возке. Сидели молча, понунив головы, Зоряна и Смеяна, теребили обережные браслеты на тоненьких запястьях. Не спасли прашуры, не уберегли от напасти.

Дочь княжеской ключницы Добронрава сердито смотрела по сторонам запавшими от слез глазами. Говорят, мечтала девка, чтобы младший княжич ее к себе приблизил, а уж она бы постаралась стать для него самой нежной, самой милой, зоренькой рассветной. А что женится когда-нибудь на знатной, так и наплевать. Ночная кукушка дневную всегда перекукует... А теперь вместо богато убранного княжеского ложа ждала ее лесная яма с обглоданными костями.

Рыжеволосая Горица убаюкивала зареванную Цветку, самую младшую из семерых. Две луны назад стукнуло ей двенадцать, и жизнь стремительно катилась к закату, не успев начаться.

А внизу, прямо на куче соломы, сидела незнакомая девица. Русоволосая, синеглазая, крепко сбитая, в мужской рубахе и холщовых штанах. меховой жилет она небрежно кинула под спину, чтобы не биться хребтом о край телеги. При встрече Зоряна со Смеяной переглянулись и сердито заворчали, мол, где это видано, чтобы девка в портах мужских ходила, срам какой, боги разгневаются.

На что Добронрава, с презрением взглянув на обеих, процедила, что боги уже разгневались, раз едут они к змею подколодному в качестве ужина, а не к подругам на посиделки и не к женихам в высокие терема.

Девка смотрела по сторонам с любопытством. На вид ей было от силы зим семнадцать, но Дарена не обольщалась, могло быть и пять раз по столько. Чужачку утром привел посадский кузнец и объяснил, не скрывая радости, что Марьяшка ни сидеть, ни лежать не может. Все тело чирьями покрылось, куда уж ей в красавицы теперь метить? Поэтому на замену идет сродственница, приемная дочь Безымянной ведьмы, что приехала очень кстати погостить.

Волхвы брать девушку не хотели, узнав о ее происхождении – боялись колдовского гнева. Но пока судили да рядили, наглая девчонка первой вспрыгнула на телегу и уселась на пол, ожидающе посматривая на остальных. Волхв Берней только плюнул в сердцах да рукой махнул. Чего уж теперь? Десяток правил при сборе «невест» и без того нарушается каждый год, по прямому требованию гада. Пусть добавится еще одно, невелика печаль.

Остальные взобрались понуро и молча, опустив глаза. Только Цветка не выдержала и расплакалась, услышав за частоколом горестный материнский вой. Горица, что приходилась ей дальней родней, тут же обняла плотающую слезы девчонку и принялась что-то шептать на ухо. Та будто не слышала, покачиваясь в такт движению телеги.

Ехали долго. Впереди охрана из шестерых конников из числа младших гридей, следом телега с дарами, среди которых были и свадебные наряды для несчастных пленниц. Кому в голову пришло наряжать их перед гибелью, как невест – неизвестно, но обычай этот соблюдался строго. За ним – узорчатый возок с лавками и полом, щедро усыпанным душистым сеном, где располагались жертвенные девицы.

Никто из старших тетюшек их не сопровождал, хотя по всем правилам вежества положено мудрой и сметливой женщине с ними ехать. Помогать в дороге по всяким житейским вещам, до которых мужикам дела никакого быть не должно. И оберегать красавиц от настырных жадных глаз княжеских служивых. Да только змей в первый же год строго-настрого запретил старухам появляться перед его пещерами и даже ехать в одном возке с девчонками. Дескать, дух от них плохой идет, и на девиц перекидывается.

Замыкал шествие старший конюх Глуздарь с недовольной миной – ему поручили сопроводить драгоценный груз до самой Змеевой горы, а затем забрать князево имущество и вернуть домой в целости и сохранности.

– Ну и вид у него, на молоко поглядит, оно и скиснет, – не выдержав, пробурчала вымотанная бессонной ночью и чужими слезами Горица. – Будто его к змею везут, а не нас. Неужто и перед князем Вадимом с такой же рожей ходит?

– Перед князем-батюшкой он ужом вертится, которому вот-вот на хвост наступят, – тут же скривилась Добронрава. – Матушка говорила, что Глуздаря в том году жеребец сотника



Агата за зад цапнул. Порты новые порвал, да прямо на смотре княжеском. Так и ходил с дырой в срамном месте, только бы от господина нашего не отойти, вдруг чего изволит...

Девчонки тихо зафыркали в кулачки. Каким бы тяжким и горестным не виделось их будущее, но здесь, в настоящем, весенняя березовая поросль по бокам дороги нежно шелестела сладко пахнущими листьями, а рассветное солнышко золотило нежные личики, стирая усталость и тоску. Они и впрямь были очень красивыми. И очень молоденькими.

И тут отозвалась чужачка, хитро прищурившись и делая вид, что рассматривает гарцующего под Глуздарем жеребца.

– Змей на него и не позарится, даже будь он девицей красоты неписанной. У него вчерашняя капуста в бороде застряла, я отсюда вижу.

– Так девкой он без бороды бы был, – отозвалась Смеяна, прекратив дергать браслет на руке.

Чужачка сверкнула синими глазами и озорно шепнула.

– А если нет? Вообразите себе, поехала бы такая красавица к змею – с капустой в бороде...

Девицы звонко расхохотались. Глуздарь недовольно посмотрел на них и отвернулся.

– Змей возрадуется от эдакой неземной красоты, – со смешком поддержала беседу Даренка. Ехать молча оказалось невыносимым, и остро захотелось радоваться новому дню, а не тратить последние часы жизни на скорбь и уныние. – Девица на обед, борода с капустой – на ужин.

– Фуууу, – сморщилась Зоряна. – Неужели супруга не видит эдакого безобразия? Или он к ней в опочивальню так и ходит, после ужина лица не обтерев, бороды не расчесав?

– Ох, чур меня, – передернула остренькими плечами Горица. – Лучше уж к змею в пасть, чем с капустной бородой ночами миловаться...

– Едет Глуздарь на коне, борода блестит в огне, маслом политая, капустою укрытая, – пропела тихонько под нос синеглазая.

А через миг от звонкого девичьего хохота полусонная лошаденка, запряженная в возок, испуганно заржала и едва не встала на дыбы.

\*\*

Ехать до Змеиной горы предстояло два с половиной дня. Конники добрались бы быстрее, но гнать телеги через лес было не с руки – покалечатся красавицы, оцарапаются, куда их потом таких змею отдавать? Разгневается гад, еще и сопровождающими закусит за то, что не уберегли. Потому ехали медленно, останавливаясь на привалы возле речек – лицо умыть, воды набрать, да в траве поваляться. От долгой езды спина заболит неминуемо, и неважно, где ты ехал, в седле верхом или в возке с деревянными лавками.

Охранять драгоценный груз отправили четверых парней из княжеской младшей дружины да двоих отроков, младшему из которых, Овсеню, едва минуло тринадцать зим. Так далеко от дому он еще не уезжал, и теперь сердце то сладко щемило от предвкушения дороги через Буршин лес, где наверняка его ждут диковинные тайны с чудесами, то трепетало от тревоги. Может, и лесовиков с болотниками увидеть доведется. И хорошо бы просто увидеть, а не попасть к ним в лапы.

И еще было жалко девчонок. Овсень то и дело оглядывался на телегу и шмыгал носом. Эх, нет у него волшебного меча-кладенца, как у былинного богатыря Ильи Муромца, а если и был бы – толку с него? Илья, рассказывают, сначала тридцать лет и три года на печи лежал, силу копил, чтобы с оружием совладать. А он, Овсень – незаконный сын посадника из Южного Староместья, и только поэтому удача ему улыбнулась – послушал отца князь, взял ко двору расторопного мальчишку, и не на кухню котлы драить отправил, а сразу дружине в помощь определил.

Но все равно до дня, когда Овсень возьмет в руки меч, выкованный специально для него, еще ой, как далеке. А значит, не бывать ему героем, не спасти красавиц от чудовища многоглавого. Окопался гад под горой, не выкурить его никак. Матушкин младший брат пытался уже, в ватаге с другими парнями. Сожрал их змей и костями не подавился, образина. Овсень вздохнул и снова посмотрел на девиц.

Дружинники же его вертлявость расценили по-своему и начали похихатывать, сначала тихо, потом во весь голос.

– Небось, столько красивых девок за раз и не видел, а, малой? – скалил зубы Вакута. Лицо у него щекастое, бородой заросшее, еще и конопушки по носу и лбу рассыпались, словно просо. Говорят, женщины с ним раньше неласковы были, замуж за рябого ни одна не пошла. Теперь же он, разбогатев в княжьей дружине, мог жениться на любой умнице, но уже сам не хотел. Проводил редкие свободные деньки в веселом доме и, не стыдясь, говорил прилюдно, что бабы падки только на серебро в кошеле.

– Я не... – вскинулся захваченный врасплох Овсень, но его тут же оглушил хоровой гогот, от которого гнедая кобыла Желана, боярского сына и лидера их ватаги, взвизгнула и едва не встала на дыбы. Хозяин успел вовремя перехватить поводья.

– Стой, травяной мешок, иначе скормлю дворовым псам, как вернемся! – рявкнул он и огрел кобылу ладонью по шее. Та жалобно всхрапнула и будто сжалась, а следом дрогнуло сердце и у Овсеня. За что животину зря мучить?

Но права задавать старшим подобные вопросы у него еще не было.

– Малой все правильно делает, – продолжал Желан, оглядываясь на красавиц за спиной. – Когда еще случится таких горлинок ясных сопровождать? Пусть посмотрит, не запрещено. И мы посмотрим.

И Желан прищурился, разглядывая сидящую к нему лицом Добронраву. Остальные сидели боком и тихонько перешептываясь с ученицей ведьмы, что заменила собой кузнецову Маряшку. Отсюда был виден только край ее затылка. И лишь дочка ключницы держала себя прямо и горделиво, словно боярыня какая.

Да, из девиц Добронрава, пожалуй, краше всех будет. Коса – чистое золото, глаза зеленые, как листья молодой березы. Матушка, души в ней не чаявшая, наряжала дочку с самого детства, не скупилась. Волосы ей крапивными отварами полоскала, личико наговоренным молоком по утрам умывала.

Вот и выросла девка – всем на загляденье, себе на погибель. И как назло, княжичу младшему приглянулась, Росславу, который в двадцать зим уже носил прозвание Храбрый. До того, говорят, дело дошло, что жениться на почти сговоренной невесте отказался, поперек отцовского слова пойти решил! Или, говорит Добронравушка со мной здесь останется, или из дому уйду, за три моря славы искать.

Батюшка от греха подальше и снарядил его в конце зимы в соседний город с частью малой дружины – за порядком посмотреть, шкуру временного, но все же правителя примерить. А девку назойливую будто случайно отправил с дарами к волхвам на праздник начала весны.

Дальше все само собой завертелось. И кто бы светлого князя Вадима посмел упрекнуть в том, что произошло? Впрямь расцвела Добронрава, заневестилась, парни то и дело оглядывались. Странно, что волхвы ее раньше не заметили.

Желан чуть приотстал и поравнялся с возком, о чем-то заговорил, улыбаясь.

Хорош, что сказать. Высок, широкоплеч и силен, как леший, мог для потехи скамью с тремя сидящими на ней отроками над головой поднять. И красив под стать Добронраве, волосы золотыми кудрями выются, борода светлая, коротко остриженная. Как он сам шутил в гриднице – чтобы с девицами целоваться не мешала. И глаза тоже зеленые. Смотрят вроде ласково, с прищуром.

Но Овсень слышал, что женщин тот меняет, как рукавицы по весне. И никто не жаловался, в любимчиках он у князя, ему девку ославить – что чарку с медом осушить. Еще и заявит при всех, что сама вешалась, потом от позора не отмоешься.

Но «невесты» были из окрестных деревень да городищ, и о дурной славе, что за Желаном тянулась, наверняка не знали. Заулыбались в ответ, пташки глупые. Только Добронрава фыркнула и отвернулась сердито.

– Брод через Ясну впереди! – крикнул едущий первым Ирпень, приподнявшись в седле. – Там поляна рядом, а за рекой почти сразу болота начинаются, дальше ночевать будет негде.

– Ночуем на этом берегу, – решил за всех Желан, затем стегнул со всей мочи кобылу ивовым прутом по крупу, та взвизгнула и рванула вперед. Остальные гридни посторонились, давая ему дорогу.

Овсень оглянулся в последний раз – и замер, раскрыв рот.

Ведьмина ученица, про которую парни по дороге обмолвились, будто негодящая она для ремесла оказалась, вот и избавилась от нее хозяйка, смотрела Желану вслед пронзительными холодными глазами. И на мгновение отроку показалось, что видит он застывшее озеро, навеки замороженное богом Карачуном.

А затем синий лед треснул и полыхнуло из-под него огнем, да таким, что у Овсеня опалило щеки и уши. Мальчишка охнул и судорожно схватился за лицо, пытаясь прикрыться от чужого колдовства.

Дружинники оглянулись на него с удивлением, а второй отрок, вихрастый Тополь, еще и посмотрел, как на недоумка. И пальцем себя по лбу постучал обидно.

Овсень ехал вперед, ни живой, ни мертвый от ужаса. И лишь когда деревья впереди расступились и показалась укутанная пушистым мятликом поляна, а следом высокий берег реки, весь поросший рогозом да камышом, он выдохнул, остановил коня и снова обернулся.

Ведьмина ученица первой выпрыгнула из телеги и теперь помогала спускаться остальным. На краткий миг она тоже обернулась, посмотрела на Овсеня и улыбнулась, приветливо и открыто. Никакого льда в ее глазах не было и в помине.

Отрок быстро кивнул ей в ответ и отправился привязывать коня к ближайшим деревьям. Но зайдя за кусты, росшие у кромки леса, не удержался и показал в сторону поляны кукиш.

\*\*\*

К вечеру, когда солнце позолотило макушки самых высоких сосен, на поляне загорелся костер и уютно запахло кашей. Лес вокруг после вчерашней непогоды оказался сырым, и Овсень успел устать, бродя по округе в поисках сухостоя. Повезло – в густом ельнике нашел ствол старого, давно поваленного дерева. Правда, пришлось битых полчаса волоочь его по пням и корягам к месту отдыха.

Дружинники тем временем успели поставить шатер для «змеевых невест», как они сами меж собой называли несчастных девчонок, а Тополь накормил лошадей и теперь стоял у костра, отдыхая от вездесущих слепней да комаров.

– Пусть лучше дым глаза выедает, чем гнус надоедливый, – сказал он, обтирая нос грязным рукавом. – Исккупаться бы, да у воды их прорва, этих кровопийц.

– Олух ты, малой, – тут же усмехнулся четвертый из сопровождающих гридней, Стоум. Чернявый и улыбчивый, он и в лесной поход нарядился, как к боярышням на смотрины – поверх домотканой рубахи зеленый кафтан, дивными узорами вышит, на шее бусины обережные на гайтане позвякивают, на мочке уха крохотное кольцо золотым бочком играет. – Чем чаще в мыльнях бываешь, да одежду меняешь, тем девкам ты сильнее по нраву. Если от мужика смердит, как от козла вонючего, все бабы в округе разбегутся.

У Тополя моментально заалели уши и щеки, но упрямый отрок лишь с презрением скривился.

– Больно надо мне тех девок! – задрал он нос. – Когда сам в дружину княжескую войду, тогда и буду о них думать, а пока нечего. Глупости все это.

– Значит, сиди здесь, костер карауль, Глуздарю помогай, – тут же распорядился Желан, выходя из-за шатра. Он скинул на бревно неподалеку от кострища тоненький тулуп и разулся, оставшись в портах да белой рубахе, сейчас расцветшей пятнами соли и пота. – А мы окунемся да рубахи прополоскаем.

– Там же девицы купаются, – нахмурился Стоум. – Решат еще, что мы подглядывать пришли, осерчают.

– И что? – насмешливо поднял брови Желан. – В драку кинутся? Или князю-батюшке нажалуются? Повизжат, да перестанут. А если даже и посмотрим, с них не убудет. Им терять особенно нечего, до свадьбы все равно ни одна не доживет.

Стоум за его спиной быстро переглянулся с Ирпенем. Овсень понял – им не понравилось, что лидер ватаги при въезде в лес начал вести себя нагло, словно упиваясь силой и могуществом. И перед кем? Перед малыми да слабыми.

Но как же ни один из них не заметил странного поведения пришедшей девки?

Тропка к реке петляла вдоль ивовых деревьев, склонивших зеленые головы до самой земли. Река ласково шелестела, перекатываясь по камням. Словно колыбельную напевала. Овсеню тут же захотелось умыться и прополоскать рот от дорожной пыли.

Еще в пути Желан говорил, что здесь запруда для купания хороша, деревьев над ней нет, солнце ее за день прогревает. Лишь бы водяницы не баловали. Отрок коснулся рукояти кинжала на поясе и повеселел. Серебра да железа нечисть лесная побаивалась, особенно в бою закаленного и в святилище у жрецов побывавшего.

На бережке в ряд лежали девичьи рубахи с поневами, холщовые штаны, призванные защитить нежные ножки от комариных укусов, да разная обувка: от дорогих узорчатых сапожек Дарены до кожаных поршней Цветки, чья семья была намного беднее. Желан прищурился, глядя на шелковую сорочку Добронравы, расшитую по подолу диковинными цветами. Затем шумно вдохнул, и казалось, тонкие ноздри его трепещут, как у хищника, вышедшего на охоту за серым лопухим зайчишкой-дуралеем.

– Никак цветами залюбовался, соколик? – вдруг раздался из-за спин звонкий девичий голос.

Ах ты ж леший! Овсень так и подскочил на месте. Чужачка сидела за их спинами на огромном валуне, сложив ноги не по-людски, а на манер диких косолапых степняков. Как они прошли мимо, не заметив ее?

Дружинники при первых звуках голоса схватились за кинжалы, но спустя миг поняли, что опасности нет, и с облегчением выдохнули. Вакута пробурчал под нос ругательство.

– Могу тебе вышить такие же, как раз времени в пути хватит, – продолжала девка, весело скаля зубы. – Снимай рубаху, если желаешь.

– Кабы от твоих цветочков-то рога с хвостом через день не выросли, – буркнул Вакута, но тут же замолчал, опасливо косясь на лидера ватаги. Он главный – ему первым и говорить.

Желан подобных шуток не жаловал, на гнев был скор, на расправу – тоже, и Овсень поежился. А ну как стащит девчонку за косу на землю, заголит задницу да оттянет ремнем со всей силы? С него станется. А ведьму, хоть и внушала она мальчишке невольный трепет, все равно было жалко.

Княжеский дружинник выпрямился, глаза его нехорошо потемнели.

– Ополоумела, девка? – строго спросил Желан, нахмурившись. – Себе на исподней рубахе харю упыриную вышей.

– Сама сраму не имеешь – других хоть не позорь, – поддержал напарника Ирпень. – Может, ему еще портки перед тобой снять?

– Как можно? – ахнула девица изумленно. – В жизни бы позорить никого не стала. Наоборот, сижу вот, караюлю, чтобы не смущали девочек чужие бесстыжие глаза. Меня, кстати, Василисой зовут.

И верно, была она одета, словно не купалась. Только тулупчик валялся на бережке, да сапоги рядом с ним. Девица свесила босые ноги с камня и начала болтать ими в воздухе. И удивительное дело – пахло от нее не взопревшим телом да нестиранными онучами, как часто бывает в дороге, а словно бы малиной, перетертой со смородиновыми листьями. Овсень даже не поверил поначалу, но потом принюхался и понял – пахнет от нее, от Василисы.

Шагнул вперед Стоум, что славился цветистыми речами, способными умаслить и самого сердитого. За то свое имя и получил.

– Не гневайся на нас, краса ненаглядная Василисушка, – с лукавой улыбкой склонил он голову. – Мы никого бесчестить не хотим, а только ополоснуться с дороги. Сами же будете ворчать потом, что от нас дурно пахнет, как от подгулявшего пьяницы.

– Не гневаюсь, боярин, – тут же улыбнулась в ответ девчонка. – Да только девиц смущать все равно не следует, сам же понимаешь. Я-то всякого навидалась, а остальные – птички нежные, безвинные. Как закончим мы плескаться да оденемся, вы и приходите. Сам же понимаешь, была бы тут тетка, что за нами приглядывать должна, вас бы дальше ивовой рощицы не пустили, погнали с руганью назад.

Еще немного, и пламя скандала было бы потушено, превратившись в серый уголек. Но Желан продолжал кипеть изнутри, и терпеть ничьи указания не намеревался.

– Коль стыдно им на голого мужика глядеть, птишкам нежным, пусть отвернутся, – сощурил он глаза. – А мы ждать не собираемся. Еще не хватало до ночи досидеться, чтобы водяницы из нор выползли, да под водой нас щекотать начали, хватать за непотребное. И никакая девка мне не указ, заруби себе на носу. Захочу штаны прямо сейчас снять, да перед тобой – и сниму, поняла?

И снова Овсеню показалось, что в глазах у Василисы мелькнули диковинные огни, синие, как лед.

А через миг она спрыгнула с камня и встала во весь рост. Ишь, какая высоченная оказалась, Желан всего на голову повыше будет.

– Поняла, – усмехнулась она и тоже сощурилась, зло и будто задумчиво. – Ладно, уговорил. Снимай портки, посмотрим, чем ты тут бахвалиться удумал.

Желан замер, едва не раскрыв рот. А затем густо покраснел от гнева. Кулаки же наоборот – сжал так, что побелели костяшки. Стоум шагнул вперед и осторожно тронул его за плечо, сдерживая от необдуманных действий.

– Баламутка ты, Василиса, – заворчал недовольно Ирпень. – Даже гулящие девки ратному мужу говорить такое в лицо постеснялись бы. Перед пращурами постыдись! Или безродная ты совсем? Неужто ведьмы, душу темным богам продавшие, совсем сраму не имеют и ноги перед каждым встречным-поперечным прилюдно раздвигать готовы?

– И в мыслях не было ни душу продавать, ни ноги раздвигать, – в тон ему ответила Василиса. – Ты, парень, меня перед другими не бесчести и напраслины не наводи. Говорю я исключительно по делу. Пусть штаны снимает, посмотрю внимательно, чем богат. Должна же я понимать размер диковинки, что у него на лбу к завтрашнему утру вырасти должна. В наших колдовских делах все доподлинно надо видеть, чтобы без ошибок вышло.

– Шутишь, Василиса? – едва не подавился Стоум, продолжая сжимать пальцы на плече Желана.

– Да какие уж тут шутки, – сердито фыркнула в ответ ученица ведьмы, перекидывая за плечо толстую русую косу. – Девчонок пугать ему не совестно. Небось, считает себя героем вровень со сказочными богатырями. Верит, что боярышни вслед вздыхают, когда он по улице



идет. В гриднице прилюдно похвально своим подвигам постельными, а еще говорит, что всем бабам только одно и нужно. Или скажете, лгу я?

Ей никто не ответил. Дружинники стояли, опустив взгляд. Только щеки конопатого Вакуты полыхали, как свеклой натертые. И шумно дышал Желан, едва сдерживая кипучую ярость.

А Василиса на краткий миг словно стала выше и страшнее, и повеяло от нее таким заморским холодом, что Овсень вздрогнул.

– Предупреждаю, – в ее голосе звякнул металл. – Кто девиц по дороге к Змеевой горе пугать надумает, да бесчестье учинить попытается – тот пожалеет сильно. Будет срам на лбу подвязывать, чтобы не болтался по дороге, а бабы да молодки вслед пальцами показывать начнут и прозвища обидные давать. Уяснили, добрые молодцы?

Молодцы молчали. Шутка была не из тех, что смутила бы опытного воина, в гриднице они и не так друг над другом зубоскалили. Но от девок слышать подобное еще никому не доводилось. А эта язва, по всей видимости, еще и не шутила...

– Говорят, чернокожные чары исчезают со смертью ведьмы, которая их наложила, – подал вдруг голос Желан, все еще пытаясь хорохориться. Губы его сложились в кривую гримасу.

– Хочешь проверить? – изогнула та бровь.

Желан с минуту помолчал, затем плюнул нахальной девчонке под ноги, развернулся и ушел на поляну. Дружинники последовали за ним. Овсень задержался, дожидаясь, пока спина Стоума не скроется в кустах.

– Прости нас, Василиса, – выдохнул он, чувствуя, как сам краснеет, будто это его сейчас срамили за непристойные разговоры.

Василиса поглядела на мальчишку, растерянно шмыгающего носом, и лицо ее смягчилось.

– Добрый ты, – снова улыбнулась она приветливо. – Скажи остальным, что ждать совсем немного, мы уже заканчиваем.

Когда отрок ушел, камыши у берега раздвинулись, из них показались девичьи головки с прилипшими к затылкам мокрыми волосами.

– Ты такая смелая! – ахнула маленькая Цветка, выскакивая на берег и стуча зубами – озябла в холодной воде.

– Лихо ты его осадил, – фыркнула Даренка, разглаживая на мокром теле рубаху. – И как не испугалась?

– Если каждого злобного дурака, что на пути встретится, бояться, зачем вообще небо копить? – резонно отметила Василиса.

Она задумчиво потерела крохотную женскую фигурку льдистого цвета, висющую на шее, затем подняла глаза на Добронраву. Та как раз успела облачиться в расшитую рубаху, которая и стала источником недавней свары. Теперь красавица скользила деревянным гребешком по волосам, вычесывая из светлых, как пшеница, кос застрявшие травинки.

– Будь осторожна, – снова нахмурилась Василиса. – Чую я, недоброе этот ваш Желан замыслил. Нутро у него гнилое. Считает, нам терять нечего, раз змей всех через два дня сожрет. А значит, можно попытаться дурное сотворить, все равно никто не узнает.

– Гридни нас защитят, законом да богами запрещено таких, как мы, обижать! – вспыхнула было Добронрава, но голос ее все равно неуверенно дрогнул.

– Никто нас не тронет, нечего бояться – сказала Смеяна, и тут же всхлипнула, будто едва сдерживала слезы. – Потому как змей, говорят, не любит помятых да плачущих девиц...

Весь день в дороге они еще как-то храбрились. Улыбались друг другу и сопровождающим, посмеивались над неуклюжим Глуздарем и его капустной бородой, делились нехитрыми задушевными тайнами. Добронрава, краснея, словно маков цвет, шепотом призналась, что Рос-

слав целуется так сладко, что кажется, будто земля вот-вот уйдет из-под ног. Остальные не имели в сердечных вопросах и вовсе никакого опыта, поэтому слушали и восхищенно ахали.

Теперь же страшное неотвратимое будущее снова всплыло в их умах во всей красе. Цветка захлопала носом, прижимаясь к Горице. Остальные стояли молча. Зоряна теребила в руках так и не надетую рубаху, не обращая внимания на укусы комаров.

Василиса прыгнула с камня и шагнула к девчонкам. А потом подняла руки и обняла их всех, заключая в круг.

– За два дня может многое поменяться, – шепнула она. – Сбежать нам не дадут – значит, идем до самого конца. Но лично я не собираюсь помирять в зубах у гада. И вам не советую.

Девочки замерли, жадно смотря ей в лицо.

– А разве ж так можно? – ахнула Даренка, дрожа не только от навалившегося вечернего холода, но и от всколыхнувшейся в груди бури чувств. – Он же тогда полетит деревни жечь, людей заедать...

Василиса в ответ только усмехнулась. А затем шепнула, ласково поглаживая маленькую Цветку по мокрому затылку.

– Не болтайте с другими о том, что сейчас слышали. И ничего не бойтесь. Не пустим мы гада дальше Змеевых гор.

– Семь лет назад пятьдесят крепких мужиков полегло с ним в бою, – тут же напомнила дотошная Горица. – А мы просто малявки неразумные, мы и драться-то не умеем.

И тогда глаза Василисы блеснули в густом вечернем сумраке синим яхонтом, а девчонки ахнули и невольно отшатнулись.

– Но у них в ватаге не было ведьмы. Гады ползучие – в оморочном колдовстве мастера, что людей разума лишает, силу подавляет. Потому и победил. Теперь главное, чтобы никто не догадался, что едем мы в Змеевы горы не жертвами стать, не тряпками безвольными, которые сгинут в завалах старых костей.

– А зачем тогда... – начала было Даренка, но ведьмина ученица торопливо прижала палец к ее губам. Затем оглянулась по сторонам и совсем тихо ответила.

– Чтобы убить.

## Глава 2

Даренка вынырнула из липкого ночного кошмара, как из омута, дрожа и судорожно хватая ртом стоячий воздух. В шатре было жарко, пахло соломой, еловым лапником и потом. Девушки тихонько сопели под одеялами. В узкую щель полога падал свет от костра на поляне, золотя макушку Добронравы, которая даже спала красиво, словно берегиня. Лицо ее было торжественным и строгим, только длинные ресницы чуть трепетали. Может, княжича своего во сне видела? Дочка сотника невольно залюбовалась, а затем подтянула поближе колени и села.

Эх, умела бы она малевать, как те приезжие живописцы из столичного Царьграда, что расписывали диковинными узорами стены княжеского терема – обязательно изобразила бы Добронраву, да непременно в дорогом наряде, жемчугами расшитом! Даренка слыхала, что в западных королевствах принцы с принцессами перед женитьбой посылают друг другу свои портреты, чтобы рассмотрели, значит, друг друга и могли выбрать в супружники не хромого, не косого, не рябого. Она непременно написала бы такой портрет, чтобы княжич Росслав посмотрел и заново в красавицу влюбился! Даренка хихикнула своим мыслям и тут же погрузилась.

Пустое это все. Добронрава – дочка ключницы, не даст им князь-батюшка быть вместе. Как никто не даст ей, Дарене, малевать узоры, ведь каждому известно, что не женское это дело. Баба за порядком следить должна, детей растить, мужа ублажать. А еще должна уметь прясть, ткать полотно, шить одежду, скотину обихаживать. Да мало ли у женщины дел? Если она богата, то забот прибавляется – следить за нерасторопными холопами, чтобы не стянули чего, не испортили съестные припасы, вовремя собрали урожай, не забыли оставить на поле несжатый пучок колосьев для Велесовой бороны, да пивом не полили забродившим, чтобы бог не разгневался...

Дарена тихонько вздохнула. Не заметили бы ее этой весной волхвы – стала бы хозяйкой в скором времени, замуж вышла. Отец уже вел разговоры о том, что следует девочке приглядеться к старшему сыну соседа Свешни, главы местной торговой гильдии. Но Даренке он совсем не нравился, сколько не присматривайся. Юноша был толст, рыхл лицом и ходил по их улице важный, как индюк, разве что бородой не тряс. И живот впереди себя нес – сытый, круглый, повязанный бархатным кушаком. А еще у него не хватало зубов и противно пахло изо рта.

«Несмышленная ты, Даренка, – качала головой нянька Устинья, когда девочка поведала ей о своих переживаниях. – Это ж у него от пряников да орехов в меду зубы болят, значит, деньги на эдакое баловство есть! Будешь в аксамитовом бархате ходить, на перинах пуховых спать, кольца носить золотые на каждом пальце... Это ли не счастье? А что некрасив – так с лица воду не пить! Зато дети при батьке расти будут! А то пойдешь за воина, а он калеккой после похода вернется или и вовсе с концами сгинет...»

«Несправедливо, – думала Даренка. – Сынок купцовый меня в жены хотел потому, что я хороша собой. И приданого за мной отец дает много, три возка серебра, одежды богатой, мехов соболиных, я не побоирушка какая-нибудь! Почему ему можно на красивой жениться, а мне выбрать себе мужа под стать нельзя?»

И перед глазами невольно встал Желан с его широкими плечами да светлыми кудрями. Первый красавец в младшей дружине, сокол зеленоглазый. Но Даренку при одной мысли о нем замутило. Во время стычки у купальни она сидела в камышах, замирая от холода и страха за себя, за Добронраву и за Василису.

Права оказалась ученица Безымянной ведьмы, хорош собой Желан, да сердце у него черное и злое оказалось. Будто злобные нечистые духи за плечами поселились и шепчут прямо в уши всякое паскудство.

Прошлой осенью Даренка случайно увидела из окна, как бобыль Сошка, служивший в помощниках на кухне у Агашки, потерял спяну сапоги, и решил, что санные девки их нарочно

спрятали, подшутить решили. Вышел на крыльцо, похмельный и злой, поймал за косу шедшую со двора Ельку и начал охаживать по спине, да бранными словами осыпать. Несчастная кричала так страшно, что Даренка оцепенела от ужаса. Выбежали парни из батюшкиной охраны и оттащили лиходея в сторону, да только все равно потом Елька месяц лежала пластом, плакала днем и ночью, во сне стонала. А к зиме умерла. Волхвы сказали, что нутро у нее от побоев повредилося. А Сошка легко отделался, его только со двора прогнали...

И сегодня в прищуренных глазах Желана, которому Василиса пригрозила срамным колдовством, Даренка увидела тот же лютый огонь, что горел в пьяном бобыле. Но на этот раз страх исчез быстро, как и появился. Вместо него пришел гнев. Нянюшки говорили, что бабе от начала времен предопределено страдать, сначала в утехах плотских, затем в родах, да в работе тяжелой. Но минувшим вечером Даренка увидела иное. Что можно дать негодяю отпор, и он отступит. Надо только иметь силу не хуже мужской, как у сказочных богатырок... или у ведьмы. Девки с батюшкиного подворья умели только ворожить на суженого, а остального колдовства боялись. Считали, что все оно – злое чернокнижие.

Но если нет? Василиса не была злой, Дарена это чувствовала. Бывают ведь и добрые ведьмы, что людей лечат да с нежностью воют. Правда, дочка сотника Ратибора слыхала о таких лишь из баек, что вечерами зимой у теплой печки рассказывают. Но ведь байки тоже откуда-то берутся, не из досужих же выдумок? Подобные девицы и со змеем сразятся, не испугаются. Надо спросить у Василисы, как проснется. Даренка поискала глазами ведьмину ученицу...

Крайняя к выходу охапка соломы была пуста, на ней валялся лишь меховой жилет, с которого свешивалась серебряная цепочка с синеватой, будто ледяной фигуркой. Неужто сбегала? Нет, глупости какие. Василиса не могла уйти в ночь без своего оберега, к которому то и дело прикасалась во время пути, да без теплой душегреи. Неужто Желан отомстить решил, пришел, да выволок ее наружу, пока все спали?

Охнув, Даренка торопливо одернула рубаху и выскочила из шатра, как была – босая, с растрепанной косой.

Желан спокойно спал на куче лапника у костра, накрывшись тулупом. Вокруг него дремали остальные дружинники и двое мальчишек-отроков. Только Стоум, которому выпал жребий караулить первым, сидел на поваленном бревне, протянув к огню руки. И Даренка чуть слышно выдохнула от облегчения.

– Ты куда, красавица? – шепнул Стоум ласково, подняв глаза. – Босиком не ходи, застудишься, роса холодная нынче выпала.

Даренка едва не рассмеялась в ответ. Какая разница, застудится она или нет, если ее уже послезавтра сожрет огромный змей?

Или не сожрет? Вдруг и вправду есть у Василисы придумка, как его одолеть?

– Я до ветру схожу, – тоненько пискнула девочка, поднимая подол рубахи, чтобы не намочить в траве. Только бы не решил провожать, вот сраму-то будет!

Но Стоум лишь кивнул и отвернулся к костру. А Даренку ноги словно сами понесли к берегу Ясны, шумевшей за ивовой порослью.

Роса и впрямь выпала густо. Капли величиной с клюкву стекали с травинки на босые ступни, венчики клевера щекотали пятки, заставляя то и дело вздрагивать. Даренка поклонилась низенькой елочке, росшей на выходе из леса. Прошла мимо камня, на котором вечером сидела Василиса, охраняя их купание от бесстыдных глаз. Осторожно раздвинула стебли рогоза, досадливо дернулась, когда по щеке скользнул влажный початок, глянула на открывшуюся перед ней реку – и обмерла, мигом похолодев от макушки до пяток.

Василиса, тоже босая и простоволосая, сидела на берегу, обняв колени, и хмуро смотрела перед собой. А напротив сидели чудища, которых Даренка никогда в жизни не видела, но опознала моментально. Частенько ей доводилось слышать о жителях водного царства, которые

могли подшутить над человеком мало не до смерти, а то и утащить на дно, сделав слугой на веки-вечные.

Старики сказывали, есть в речках водяницы, что девками красивыми притворяются, а на самом деле – утопленницы, решившие когда-то с жизнью счеты свести. И верховодит над ними водный царь. Тело у него толстое, кожа бледная, меж пальцев перепонки, волосы нечесаной копной до пят свисают, борода зеленая, и растут в ней кувшинки по весне. Поймает он тебя и начнет загадки загадывать, и берегись, если не ответишь – утащит на дно и сделает своей женой.

Ох, чур, сохраните от силы нечистой! Даренка сунула в рот кулак, чтобы не заорать от ужаса.

Две водяницы с мокрыми темными волосами и в рваных полусгнивших рубахах сидели по правую руку Василисы. Водяник расположился точно напротив. Сверкал зелеными глазами, похожими в темноте на лесные гнилушки, щипал себя за бороду длинными дрожащими пальцами, обрывал лепестки с поникших цветов. И бубнил тоскливо, словно плакальщица песню тянула.

– Ни днем, ни ночью покоя не дает, морда чешуйчатая, грозит все испепелить в округе! Давеча заставлял доченек моих плясать перед ним до самого утра, харей огненной чуть ли не целоваться лез, провались он пропадом!..

Водяницы тихонько заскулили на два голоса, вторя унылой речи отца.

– Болотников вдобавок пораспустил, совсем страх потеряли! Уже в царство мое лезут, как к себе домой! Толпы жаб соглядатаями снаряжают, чтобы те вынюхивали, чем моя сокровищница богата, да смуту наводили среди честного мокрого народца...

Хлоп! Василиса с размаху стукнула ладонью по песку, заставляя утопленниц взвизгнуть в унисон, а самого водяника – отшатнуться.

– Как вы допустили такое, Переплут?! – звенящим от ярости голосом спросила она. – Семь лет гад над Озерным краем верховодит, и людей, и нелюдей за бороду держит! Без малого пятьдесят человеческих девиц скормили ему, будто так и надо! Вы почему молчали, словно тины в рот набрали?

– Ничего мы не набрали, – обиженно буркнул водяной. Из тонких зеленых губ, почти скрытых в бороде, потекла вода. – Гад три деревушки спалил, как прилетел, ни старых, ни малых не пощадил. А если лес дотла сожжет и речку осушит? Болото растянет по всей округе?

– Вы могли отправить весточку матушке с самого начала, – с презрением сощурилась Василиса. – Ладно, селяне, эти волей пращуров и людоедство готовы оправдать, но вы-то?! Девочек ни капли не жалко? Так я вам расскажу, что будет дальше, если змей останется в горах живым и невредимым.

Она подвинулась вперед и невежливо ткнула водяного царя пальцем в последнюю уцелевшую кувшинку в бороде.

– Люди рано или поздно устанут и начнут сбегать в иные края. Те, кто поумнее да посильнее – за море в Царьград на службу подадутся, к важным купцам, что платят золотом. Девочек начнут увозить к дальней родне едва ли не после рождения, а замуж выдавать – лет с десяти, чтобы уж наверняка пронесло. А затем все побегут, бросив избы, могилы пращуров и капища. Князь Вадим попытается остановить напуганных людей с помощью огня и железа, но это почти не поможет. Во что превратится Озерный край? В непролазные болота, которые вы так не любите. Кто будет оставлять в лесах и на берегах рек дары, кто поклонится вам пирогами с требухой, краюхой свежего хлеба, салом да лучком? Или, думаешь, по осени пчелы сами медом с тобой, пупырем старым, делиться будут? А водяницы твои, время от времени бегающие в лес любоваться с человеческими парнями? Останутся без сладкого жара в крови, продляющего жизнь, запаршивеют, порастут тиной...



Даже в темноте Даренка явственно увидела, что водяной залился синеватым румянцем. Неужто правду говорят, будто кровь у них не красная, как у людей, а словно зимнее небо в лютой мороз? Мокрые лохматые девки обреченно захныкали на одной ноте.

– Ты нас не чехвости зазря, – буркнул речной царь со странным именем Переплут, делая вид, что рассматривает перепонки на ногах. – Вас позовешь – потом не расплатишься, никакого серебра не напасешься...

– Тебе не совестно, сквалыга мокрозадая? – скривилась в ответ Василиса. – Можно подумать, мы то серебро тратим на платья, да на ерунду всякую вроде побрякушек в уши да на шею. Сам знаешь, в нашем ремесле без него никак.

«Нет, не злодейки они, Безымянная ведьма и ее названные дочери, – поняла Даренка. – Иначе к серебру бы не прикоснулись вовек. Но зачем оно, лучше бы золотом да самоцветами за работу брали, да шкурками горностаевыми... Точно! Они сражаются с нечистым войском, а из серебра куют волшебное оружие!»

У девочки тут же волнительно заурчало в животе. Вдруг Василиса не пыталась их обнадежить, а на самом деле идет по змеевы головы? Дочка сотника не раз слыхивала, что за горами и морями, в нурмандских да гэлльских королевствах есть колдуны, которые не боятся пойманную нечисть пускать на зелья чернокнижные.

Может, и гада из Озерного края ждет та же участь? Поймает его ведьма Василиса, головы порубит, да продаст потом на заморском торжище – кому хвост, кому лапы, кому клык и чешуи горсточку. Или, может, перекупаю в убойном ряду тушу порубленную сдаст задешево... Хотя, нет, задешево нельзя. Много можно выручить за эдакую гадину. Ее поди убей еще.

Даренка сама не заметила, как уже начала мысленно спорить с жуликоватыми перекупщиками, да прикидывать, сколько чистого мясного весу в змее будет. Очнулась она, когда заполюшная ночная бабочка промелькнула мимо лица и скользнула крылом прямо под носом, и девочка, не удержавшись, чихнула.

Ужас из холодящего пятки морока махом превратится в жгучий огонь, хлынувший в живот и грудь. Она замерла, уже понимая, что не услышать ее было невозможно.

Речной царь поднял голову и встретился с ней взглядом. Глаза-светляки вспыхнули ярко, а затем задумчиво прищурились. Водяницы, сидевшие рядом, синхронно оскалились, и Даренка понимала, что их хищная радость не сулит ей ничего хорошего.

– Горяча девица человеческая, тонкокожа, нежна, как птишка лесная, – промолвил Переплут со странной хрипотцой в голосе. – Иди к нам, сядь рядышком, поговорим по душам...

Миг – и Василиса вскочила на ноги.

– Тронешь девочку хоть пальцем – и я тебе волосы на пробор причешу. Серебряным гребнем, – пригрозила она и без обиняков сунула водянику под нос кулак.

Даренка ахнула. Вот сейчас оскорбится нечистый, встанет, рукой махнет – и поднимется вода в реке! Затопит берег, поломают все на своем пути, искорежит деревья и кусты, утянет треснувшие стволы и ветки на глубину. А хрупких человеческих девиц злая стихия тем более не пощадит...

Но Переплут лишь ссутулился, а затем обиженно надул губы и кулак из-под носа отодвинул.

– Баламутка ты, Василиса, – недовольно повторил он слова Ирпеня, сказанные днем на этом же месте, и Даренка не удержалась, захихикала. Тут же испуганно одернула себя и с опаской взглянула на ученицу ведьмы.

А та смотрела на девочку, и в глазах ее плескался искристый смех.

– Отдала бы девку нам хоть на пару часов позабавиться, не убудет с нее. Живой отпустим, сокровищами одарим, – вдруг подала голос одна из водяниц.

Даренка испуганно попятилась. Ни за какие сокровища мира она не согласилась бы остаться с мертвячками наедине.

– Перебьетесь, – равнодушно бросила Василиса. – Я девочку первой увидела, мне с ней и забавляться. И вас, мокрозадых, нам в компанию точно не надо.

С этими словами Василиса шагнула к Даренке, взяла за руку и потянула за собой к ивовым зарослям. Дочка сотника едва успевала перебирать ногами.

Как молодая ведьма собралась забавляться с неразумной девчонкой, едва начавшей невеститься? Заворожит и заставит плясать голышом у костра? Или вешаться гридням на шею? Или еще чего бесстыднее удумала? От страха невольно задрожали коленки.

Когда из-за кустов показались отблески костра, Василиса остановилась и взглянула себе за плечо.

– Чего ты сопишь? Сердце так бьется, что вот-вот до горла допрыгнет и изо рта вывалится. Какой бес тебя понес ночью к реке?

Даренка помолчала, а затем выпалила.

– Как ты будешь со мной... забавляться?

Последнее слово она произнесла дрогнувшим шепотом. Ученица ведьмы лишь рассмеялась в ответ.

– Ах, вот оно что, зайчишка-трусичка. Ну, забавляться можно по-разному... Хочешь, спящему Желану угольков за шиворот натолкаем? Или медовуху, в их сумках спрятанную, в траву выльем, пусть завтра ищут да бранятся? Или Груздарю из штанов клочок на задку выстрижем, пока они воон на той березе сушатся? Хотя, нет, задохнемся с непривычки, он их поди раз в год стирает...

И Даренка поняла, что Василиса ничего паскудного не замышляла. Разве что посмеяться в очередной раз над доверчивой недотепой.

– Опять шутикуешь? – надулась она, раздосадованная на саму себя за наивные, почти дитячьи страхи.

– А что предлагаешь, сесть и поплакать? Слезами в нашем деле не поможешь. Надо думать, как змея победить, да так, чтобы никто из вас в той битве не пострадал.

Даренка зябко переступила босыми ногами – и уже сама протянула ладонь и взяла Василису за запястье.

– Вот этим и будем забавляться, только до шатра дойдем, обсохнем да согреемся. В быличках волшебных у каждого злодея есть слабое место, какая-нибудь дыра в толстой шкуре или запрет, который он не может нарушить, иначе смерть. Даже у злого чернокнижника Костея, короля покойников, душа живет в иголке, что в яйце спрятана. Может, у гада тоже есть секрет, что его погубить может?

И Василиса в ответ посмотрела на нее уже безо всякого ехидства.

– Вижу, моя Безымянная матушка в тебе не ошиблась. Буду рада, если вместе посидим, подумаем. Мне надо понимать, чего ожидать от змеища. А я даже не знаю, как он выглядит, могу только предполагать.

– Расскажу, что сама слышала, – кивнула Даренка, понижая голос и потихоньку крадась к шатру мимо костра с храпящими гриднями и клюющего носом Стоума. Но у самого полога вдруг замерла. – А... что твоя Безымянная матушка говорила про меня?

– Что умная ты, и тебе можно более достойную судьбу устроить, нежели за толстого купеческого сынка-колобка замуж выдать, – подмигнула Василиса.

И скрылась в шатре, оставив остолбеневшую Даренку на пороге. Ну, дают ведьмы! Все-то они про всех знают!..

## Глава 3

Болота Овсеню казались странными, словно заколдованными. Сплошь поросшие брусничником и морошкой, они прятались в розовой дымке, почему-то не растаявшей даже под солнечными лучами.

То и дело в ней мерещились суховатые тела с искривленными длинными пальцами, шагающие прямо по трясине, куда нормальному человеку и ходу не было. Но стоит приглядеться – и морок исчезал, растекался в тумане.

Отрок сунул руку за пазуху и сжал громовое колесо на кожаном гайтане – знак Перуна, что носили испокон веков князья да дружинники, да богатыри. Это был единственный подарок от отца, который в молодости с дружиной ходил за моря биться с нурманами, а теперь осел в собственном посаде.

По-хорошему, сопливый мальчишка не должен был его надевать. Право заручиться благословением от бога всех воинов заслуживалось после первого боя, и то если не струсит и проявит себя храбрецом. Но отец, вероятно, чувствовал вину перед незаконным отпрыском, которого так и не приняли домашние. И перед отправлением на службу снарядил того, как подобает. Подарил отличный лук из можжевельника с березой и лосиных жил, два кинжала, выкованных как раз под руку юнца, одеяло, что грело даже в морозные холода. Справил достойную одежду и обувь. И гривну серебряную мальчонке на шею надел, да символ Перуна на гайтане.

«Не подведи, сынок, – сказал на прощанье. – Не посрами честь праотца, будь защитником слабых да обездоленных, бей ворога без страха».

В глазах тут же защипало, и Овсень отвернулся от товарищей, чтобы скрыть нахлынувшие чувства. Но тем было не до мальчишки – они помогали спешиваться с возка девицам, так как ехать через болота в нем было опасно. Поперек туманных густых зарослей тянулась неплохая тропа, но она позволяла ехать рядом лишь двум конникам, не зажимаясь друг к другу. Телеги же вменялись с большим трудом. Колеса подпрыгивали по сырым кочкам, то и дело съезжая в липкую грязь.

– С нами на лошадях поедете, – сказал девицам Стоум. – Дорога через топь хорошая, да и воздух приятен, не ядовит. Можно не торопиться, к вечеру медленным шагом как раз поспеем.

– И давно ли он тут не ядовит? – хмыкнула Василиса, указывая на росшие прямо вдоль тропы белые грибы-пырховки. – Вот эта дрянь в весеннюю пору стреляет вверх облаком, от которого резко слабеешь и теряешь сознание. Сделаешь шаг – и провалишься беспамятным в трясину, болотной нечисти на радость. А если ведьма вдохнет – силу на краткое время потеряет.

– А ты нос к нему не суй, и все будет ладно, – подмигнул ей дружинник, затем поднял с земли стоявшую ближе всех Горицу, посадил в седло, вскочил следом и толкнул коня пятками в бока.

– А еще говорят, у бабы волос долог, да ум короток, – пробурчала ученица ведьмы им вслед. – На себя бы оборотились, у лаптя березового разума и то больше...

Подъехал Желан на своей тихой запуганной кобылке.

– Чего ты там опять бормочешь, девка норовистая? – насмешливо спросил он. – Никак порчу свою наводишь?

– Носы, говорю, берегите, – Василиса в ответ на плохо скрытое оскорбление даже бровью не повела. – И смотрите в оба, здесь болотники лютые. Не хватало еще попасть к ним в лапы.

– Кто тебе сказал такую нелепицу? – хмыкнул Желан. – Я каждый год тут езжу, ничего подобного не видел. Ежели только ты с ними не сговорила накануне, чтобы нас погубить. С вас, чернокнижниц, станется...

Василиса лишь подняла глаза к небу, показывая, как ей надоели глупые кривотолки.

– Всю ночь соображал, какую пакость к утру сказать? Если бы я сговорила с нечистой лесной да болотной, вас бы уже в живых никого не было. Вместо этого я предупреждаю, чтобы не погибли по дурасти.

Овсень ей на всякий случай не поверил. Выглядели ее предупреждения смешно, особенно с учетом цели их поездки. Не сегодня, так завтра несчастные девчонки погибнут при любом раскладе. А дружинникам Василиса наглядно показала свое отношение еще вчера у речки.

– Намаемся мы с этой оторвой в дороге, – бурчал утром Вакута, седлая коня. – Она берегов вообще не видит и не знает.

– Значит, покажем и научим, – оскалился хорошо выспавшийся, а потому осмелевший Желан. – Девочек таких уму-разуму учить надо, а то дурами помрут.

Овсень догадывался, каким образом раззадоренный угрозами гридь может «поучить» строптивую Василису. В голове услужливо мелькнули сразу несколько вариантов, и ни один мальчишке не понравился.

– Пращуры разгневаются, – робко встрял он в разговор. – Неправильно ратным мужам, славным княжьим воинам, малых да слабых обижать.

Желан было зыркнул на него из-под локтя с выражением лица: «Какой тут клоп пищит в траве?», но все же до ответа снизошел.

– Слабых да малых и не будем. А наглых девиц, возомнивших себя вровень с мужчинами, может, и стоило бы... обижать почаще.

И дружинники тут же заржали, словно жеребцы в княжеских конюшнях. А Овсень потупился, ибо до спора со старшими еще не дорос.

– Да тебе никак глянулась эта Василиса? – вдруг ехидно поднял брови Стоум. – Поди ты, шустрый какой. Не рановато тебе на девочек пялиться?

Отрок молча отвернулся и начал собирать вещи, с неприязнью ожидая похабных насмешек в спину.

Глянулась ли ему Василиса? Он и не помышлял об этом до нынешней минуты. И вообще, на девочек если и смотрел, то украдкой и с жалостью – такие красивые, звонкие, как птички, что в лесной чаще на рассвете задорно поют, прославляя новый день. Им бы жить да радоваться, так нет, к чудищу едут на убой.

Душа Василисы плавилась Перуновым огнем от чужих обид, как у закаленного боями воина и защитника, Овсень это чувствовал. Незаконный сын, он хлебнул горького яда несправедливости досыта – старшие сводные братья зло потешались над мальчишкой с раннего детства. К князю в услужение он пошел с огромной радостью, надеясь избавиться от издевательств и насмешек. Стало проще, но Овсень все равно робел, когда при нем зазря обижали других.

А Василиса ни капли не робела. Паренек не мог ею не восхищаться. И отчаянно завидовал.

Но взрослые дружинники насмехаться не стали, вместо этого переглянулись – и с видимым облегчением приказали именно ему везти строптивую девчонку через болота. А Овсень вдруг понял, что рад этому решению. Кукиш показывать ведьме больше не хотелось. А вот поговорить с ней о разных диковинных вещичках, о колдовстве, об иноземных чудищах – очень даже. Вдруг снизойдет до болтовни, чтобы время в дороге скоротать?

Правда, в самом начале пути возникла заминка – Добронрава наотрез отказалась ехать на одном коне с Желаном, хотя он наступил на горло привычной песне и даже попытался ласково ее убедить. Демонстративно подошла к Топольку, махом покрасневшему до самых кончиков ушей, и буркнула: «С тобой сяду».

Желан виду не подал, что рассердился на отказ, только желваки на скулах заиграли. Поехал в итоге впереди и молча, с маленькой Цветкой за спиной. Та сидела, судорожно вцепившись в воинский пояс – ноги не доставали до стремян, и девочка качалась в разные сто-

роны, как плохо притороченный к лошади куль с мукой. Но больше всех не повезло Даренке, которой пришлось делить одну лошадь со старым и плохо пахнущим Глуздарем.

Дорога расстилалась впереди ровнехонько, как свадебный рушник. Покачивались венчики мелких синих цветов, росших прямо под копытами коней, шелестели на ветру светлые колоски мятлика. От Василисы, едущей сзади, пахло ягодой, только принесенной из леса, и совсем немножко – свежей корой для лаптей и теплом нагретого шерстяного одеяла. Тонкие девичьи руки не хватались за пояс, а лежали у мальчишки на талии, практически не сжимая, и Овсеню это было приятно. Он то и дело поглядывал вниз, себе на живот и на белеющие на фоне застиранной рубахи пальчики с розоватыми округлыми ноготками.

Но Овсень прежде всего был отроком, три зимы как покинувшим отчий дом и попавшим в княжескую гридницу, и девицы пока что интересовали его намного меньше диковинных страшилищ.

– Василиса, а ты болотных чудищ когда-нибудь видела? – шепнул он, обернувшись через левое плечо.

– Видела, – моментально откликнулась та. – Ничего интересного. Опасные и наглые твари, заманивают путников в трясины огоньками да оморочными чарами, а там поедают. Или просто прячут на самое дно, чтобы зимой потихоньку глотать, пока на поверхности холодно...

Отрок скривился и тут же окинул беглым взглядом расстилающуюся впереди чарусу. Тени с крючковатыми пальцами больше не появлялись, но и туман над водой никуда не исчез, стал только гуще.

– А какие они? Страшные?

– Как старая Глуздарева матушка, – хихикнула Василиса. – Такие же сутулые, носатые, лица морщинистые и сальные, клыки изо рта торчат.

– А ты откуда знаешь, как она выглядит? – подивился отрок. – Видела ее?

– Догадалась. На лицо его глянула и представила себе, каким он будет зим через двадцать-тридцать, если доживет. И если не прекратит обжираться и не начнет чаще лицо утирать да одежду стирать.

Овсень было тоже хихикнул, но тут же осекся и посуровел.

– Старых людей стыдно обсуждать, да над болезнями их насмехаться, – строго покачал он головой. – Их надобно уважать и почитать, и не причинять им беспокойств.

Василиса же в ответ демонстративно фыркнула.

– Даже если ведут они себя неправильно и глупо?

Отрок так резко дернул за поводья, что конек его обиженно всхрапнул.

– Ты ума лишилась? – тут же возмущенно зашипел он. – Наше ли дело старых людей судить да рядить? Нам надо достойно жить, оборачиваясь лишь на себя и свои поступки. Может, еще и прашуров, хранителей наших, судить станем?

Очарованность девчонкой стремительно таяла. Овсень с досадой подумал, что Василиса, должно быть, совсем бестолковая, раз простых вещей не понимает. И не зря старшие говорят, что Безымянная ведьма выгнала девчонку из учениц за нерадивость, и заступиться за нее теперь некому, потому и к змею отправили. Лучшую из лучших в деле колдовском, небось, в сказочном тереме оставила бы, под семью заговоренными замками.

Но девица и не думала стыдиться и умолкать.

– А если предок злодеем был или ушкуйником, людей безвинных на трактах убивал и грабил, и даже детей не щадил? Тоже забудем и простим?

Овсень на мгновение запнулся, но все же твердо ответил.

– Значит, богам так было угодно, раз они его не остановили в злых деяниях. А если и впрямь нагрешил, на том свете предстанет уже перед своими прашурами, и те будут его судить.



Василиса замолчала, и паренек невольно обрадовался. Неужели прислушалась к его словам? Не тут-то было. Настырная девица наклонилась к его левому уху, обдав горячим дыханием кожу, и спросила вовсе гнусное.

– А если и того света нет, только этот, и судить его будет некому? Получается, все страдания зазря?

– Ну ты... – от возмущения Овсень не нашел подходящих для богохульницы слов. – Может, еще и священного дуба Карколиста нет, что объединяет на себе все миры? И богов нет? И все, что с нами сейчас происходит – сон глупца, одурманенного теми белыми грибами, что стреляют вверх ядовитой пылью? А то отец сказывал, заходили к князю три зимы назад заморские гости. Заявляли, что мир наш – на самом деле сон древнего старца, который спит в заколдованной пещере. А как проснется, тут и всему живому на земле конец. Князь в ответ напоил гостей настоями, что сердце останавливают, а потом тела в пещеру на краю Розумеева леса приказал отвезти. Пусть, сказал, вместе с древним старцем и караулят наш мир, раз верят в эдакое непотребство.

– Мировое древо есть, – ответила Василиса после небольшой заминки. – Вот только ничьих предков я там не видела, к великому сожалению.

Отрок замер, раскрыв рот.

– А Карколист видела, получается? – спросил он внезапно севшим голосом

– Доводилось, – туманно ответила девица. – Он и впрямь держит на ветвях своих множество миров, но простым людям, не знающим секреты ведовства, туда ходу нет.

Затем она помолчала, словно собираясь с мыслями. А когда заговорила, в ее голосе не осталось ни капли веселья.

– Когда Безымянная матушка впервые меня к нему отвела, я тоже спрашивала про предков. Потому как очень хотела, чтобы и вправду существовал мир, где бы жили наши умершие родственники. Я понимала, что видеть их нам, живым, невозможно, но хотя бы знать, что с ними все в порядке!..

И Овсень с изумлением понял, что девчонка готова вот-вот расплакаться. Но она продолжала говорить, сердито сопя ему в макушку.

– Мои родители погибли, и я едва не ушла следом за ними, Безымянная матушка спасла меня и сделала тем, кем я являюсь сейчас. И видят боги, как я хотела, чтобы загробный мир реально существовал. Но знаешь, в чем беда, парень? Никто не знает, есть ли он на самом деле. В него можно только верить. А я не верю больше, это слишком больно.

Отрок молчал. Тянулась впереди дорога, качались под едва ощутимыми прикосновениями ветерка пушистые колоски мятлика. Желан почти скрылся впереди в тумане, темно-русая коса Цветки, перевязанная зелеными лентами, покачивалась в такт лошадиной ходьбе. Стоум же наоборот, о чем-то весело шутил, а Горица сидела прямо и словно бы с возмущением всплескивала руками, но Овсень видел, что она тоже украдкой улыбалась.

Василиса перестала возиться за его спиной и молчала, погрузившись в невеселые мысли. И тогда Овсень не выдержал – положил мозолистую от постоянной работы и упражнений с оружием ладонь на белую девичью ручку и переплел ее пальцы со своими.

– Мне жаль, что так вышло у тебя с матушкой и батюшкой, – тихо сказал он. – Война?

Теперь настал черед Василисы молчать. Но спустя минуту она вздохнула и сжала в ответ его пальцы.

– Змей.

– Наш гад? Это в годину, когда он три деревни спалил?

– Нет, чужой. Змеев на земле много, намного больше, чем хотелось бы. И пакостят они людям испокон веков. И мир наш они рано или поздно обязательно погубят, в отличие от выдуманного спящего старца. Потому не должно быть им жизни на нашей земле...

Договорить она не успела – тишину одновременно всколыхнули истошный девичий крик и лошадиное ржание.

Вопила Добронрава, судорожно вцепившись в поводья и пытаясь сдержать лошадку, на которой ехала. Та визжала не хуже свиньи на забое и яростно молотила передними копытами по воздуху перед собой.

Слева из тумана медленно выходило страшилище. Ростом с небольшую сосну, оно напоминало изуродованное злым Костеем дерево, покрытое лишайными пятнами белесого мха. Нечистый тянул во все стороны многочисленные руки-сучья и сверкал глазищами, словно заколдованными смагардами. Вместо рта у него была дыра, по краям которой шевелились щупальца-корни.

Страшилище вышагивало, высоко задирая ноги, прямо к тропе. С уродливых ступней, изъеденных червями да пиявицами, стекала гнилая вода.

А навстречу ему брел Тополек с блаженной улыбкой до ушей. Такую же Овсень видел у дровосека Леща после прошлой осени, когда тому случайно попало здоровенным поленом по макушке. Говорили, лещего ненароком рассердил. Работать Лещ с тех пор перестал, сидел целыми днями на завалинке у мыльни и всем улыбался, особенно тем, кто жалел горемыку и угощал сладеньким петушком на палочке или орешками в меду.

– Стой, олух, стоооой! – Желан со свистом промчался мимо них с Василисой, нахлестывая кобылу. Чего-чего, а смелости лидеру ватаги дружинников и впрямь было не занимать. Он соскочил с лошади прямо в топкую грязь, одним прыжком нагнал Тополька, схватил за шиворот и потянул на себя. – Очнись, скудоумный, это морок!

– Там девка... – бормотал Тополек, слабо трепыхаясь в его руках. – Красивая... Зовет...

– Анчибал тебя зовет, окуня пустоголового! – рыкнул Желан и еще сильнее дернул мальчишку на себя.

А страшилище вдруг сделало еще шаг и взмахнуло корявой лапищей прямо у них над головами. Желан было отпрянул, но подвели собственные сапоги, что успели увязнуть в топкой жиже по самую щиколотку. Вскрикнув, гридь рухнул в грязь, увлекая за собой отрока.

Анчибал издал громкий скрип (Овсень мог поклясться, что ликующий) и потянул к обоим уродливые руки. Миг – и замшелые побеги поползли, как живые, по ногам Тополька, который даже не сопротивлялся в ответ. Овсень судорожно зашарил по боку, нащупывая кожаный тул со стрелами, и вдруг осознал, что в седле за спиной подозрительно пусто и легко.

А через миг чудище взревело так, что трясина пошла рябью. Лошади с седоками в ответ испуганно заржали и начали приплясывать на тропе.

Василиса неведомо как успела соскочить с седла и добежать до телеги с вещами, где лежала ее котомка, и теперь стояла в воде и яростно охаживала болотную нечисть узловой кожаной плеткой с блестящими наконечниками. Анчибал с ревом выпячивал вперед лапищи, пытаясь защитить то, что было вместо лица, но тщетно: при каждом ударе ветки ломались, а там, где металл соприкасался с древесной корой – начали дымиться.

Прежде, чем Овсень успел открыть рот, Василиса подтвердила его догадку.

– Серебро! – заорала она, оборачиваясь. – Быстро, любое! Держите перед собой, не давайте подойти! Оглядывайтесь, он не один!

По дымящимся веткам древолюдя вспыхнул и побежал огонь, и страховидло попятилось назад, в безопасное болото.

– Аааааа! – заорал дурниной вдруг очнувшийся Тополек. – Кто это?! Чудище, сожрать хочет!

И он засучил ногами, отползая на задку к безопасной тропе. Желан рывком вытащил сапоги из жадно чавкнувшей грязи, перекатился на четвереньки и рванул следом, не оглядываясь.

Впереди закричали – отчаянно, взхлеб. Маленькая Цветка, которую Желан ссадил на землю перед тем, как ринуться отроку на подмогу, бежала к остальным. Лицо ее было залито слезами, она задрала юбку выше коленей, чтобы не споткнуться и не упасть, но никто и не подумал бы ее стыдить.

Следом неслось такое же страшилище, только не на длинных тонких ногах, а кувырком, словно куст перекасти-поля. Вот сухая ветвь схватила девчонку за подол и рванула на себя. Та дернулась, рухнула на землю и замычала, вздрагивая всем телом.

Вакута соскочил с коня, загородил Цветку собой и начал с остервенением рубить тянущиеся к ним сучья, но анчибал с невиданной для такого огромного создания ловкостью успел вскочить на ноги, выпрямиться и ударить дружинника по плечу. Вакута зло взвыл. Меч, кувыркаясь в воздухе, полетел напрямик в болото. Но не утоп – воткнулся в поросшую ядовитым курослепом кочку.

Страшилище занесло над лохматой головой воина крючковатые пальцы, но тут из-за плеча Вакуты вылезла Даренка и сунула в оплетенную ветвями харю анчибала зеркальце.

Тот заскрипел, словно старая несмазанная телега, только гораздо громче – девичья безделица сверкнула на свету серебряным бочком. Даренка ловко поймала пробившийся сквозь туман редкий луч солнца, и отраженный свет попал анчибалу в левый глаз.

– Эй, невестушки, чего расселись? – звонко выкрикнула она, когда ревущее от боли чудище отпрянуло назад, не удержалось на ногах и опрокинулось на землю. Но встать не подумало, вместо этого с жалобным стоном начало тереть глаза. – Доставайте перстни да ожерелья свадебные, в них серебра навалом!

Девки словно ждали этого окрика. Тут же очнувшись и прекратив визжать, они ринулись к возку. Гридни на лошадях сбились в круг, обнажив мечи. Очухавшийся Тополек сидел в седле ровно, только деревянная палица-ослоп в руках ходила ходуном.

Из трясины на них надвигалось еще шестеро древесных уродищ.

– Не трусь, малой! – прокричал Топольку Стоум. – Бесы болотные не страшнее косолапых степняков!

– Степняки вышиной с елку не бывают, – вяло огрызнулся отрок. – Злое это колдовство, чернокнижие проклятое! Кто их выпустил на нас?

– Сами выпустились, – раздалось сбоку. – Жители это болотные, анчибалами зовутся. Ишь, вымахали. Небось, человечинной одной питаются.

Василиса стояла около лошади Овсеня, держась за подпругу и тяжело дыша. Рука с зажатой в пальцах плетью дрожала от усталости. Мальчишка мигом зашерудил в висящей на поясе сумке и протянул девчонке флягу с водой. Та осушила ее в несколько глотков, вытерла мокрый рот, с облегчением выдохнула и улыбнулась.

И от ее улыбки Овсеню стало радостно и совсем не страшно. А в голову пришла идея.

– Василиса, у них свой господин есть, у этих страшилищ? – шепотом спросил он. – Может, его подстрелить, а остальные разбегутся?

– Есть, – и ученица Безымянной ведьмы указала на шедшее впереди дерево, ростом чуть выше остальных. Его тело было покрыто серебристым мхом почти полностью, а голову украшали то ли ветви, то ли рога, на каждом из которых росли листья цвета кровавой ржи. – Не уверена, правда, что остальные разбегутся, но ослабеют – точно. Вот только оружие нужно, из серебра кованое, а у нас его нет...

– Я попробую... иначе, – и Овсень потянулся к гривне на шее.

Тоненькие обручи, обхватывающие ключицы или запястья, в доме посадника Южного Староместья носили почти все – они защищали душу от злой ворожбы, из-за которой душа могла покинуть тело до срока. Но только Овсеню при отправлении в дальнюю дорогу перепал тот, что был украшен дорогими и тяжелыми серебряными бусинами. Они заодно служили и

оберегом от нечисти да навий, неупокоенных душ из мира мертвых. Отрок торопливо вытащил из тула стрелу, снял с гривны самую крупную из бусин и надвинул на заостренный наконечник.

«Только бы не сорвалась в полете!», – с тревогой думал он, натягивая тетиву. Вдох-выдох. Сесть ровно, поднять лук повыше, прицелиться. И не поддаваться древнему, как сам мир, ужасу перед нечистью поганой!

– Перун-батюшка, направь руку мою! – шепнул Овсень и выпустил стрелу.

Та зазвенела, рассекая туман впереди. Только пестрое оперение на миг перед глазами мелькнуло.

А затем чудовище закричало, заскребло себя по корявому лицу ветвистыми лапищами, пытаясь избавиться от стрелы, что воткнулась прямо в лоб. Поздно – ржаво-красная крона над головой вспыхнула и занялась огнем. Анчибал с воем рухнул в болото, но продолжал тлеть и под водой. Остальные страшилища сначала бестолково метались вокруг вожака, а затем хором взревели, будто сотня леших.

И многочисленные кочки, торчавшие из трясины, вдруг подняли головы и выпрямились, оскалив пасти. Из-под зарослей мокрой травы блестели глаза-гнилушки.

– Кочечники! – крикнула Василиса. – Не выказывайте страх, эти твари им питаются и растут!

Твари всколыхнулись раз, другой – и поволоклись жутким хороводом вокруг сбившихся в кучу людей, что-то бурча себе под нос и покачиваясь из стороны в сторону. Овсень ощутил, как качается в такт их корявой ходьбе земля под ногами.

– Это морок! – звенел в ушах голос Василисы. – Не смотрите по сторонам, это морок...

Туман неторопливо полз к ним со всех сторон, струясь серым потоком с розоватыми всполохами.

«Разве болотная хмарь бывает такой гладкой? – запоздало подумал отрок, и тут же выбросил эту мысль из головы. Ему вдруг стало лениво и равнодушно. И он с досадой ощутил, как душит шею серебряная гривна, как тянет к земле тяжеленный тул со стрелами. Зачем оно все? Захотелось сойти с коня, упасть на землю, зарыться носом в траву, и пусть прорастет над его головой тоненькая хлипкая березка, что будет петь по ночам колыбельные, а днем рассказывать сказки, и так до скончания времен...

Сердитое лошадиное ржание всколыхнуло окрестности. Овсень вздрогнул и поднял отяжелевшую голову.

С той стороны, где вставало солнце и откуда они сами пришли несколько часов назад, прямо по изумрудной чарусе, поросшей диковинными цветами, неслись кони. Были они окрасом темны, как предзвездные сумерки, а гривы – наоборот, золотились рассветными лучами. Мальчишка проморгался и протер глаза.

Видение не исчезло. Семеро восхитительных лошадей, что в княжеской конюшне стали бы первыми любимцами, шли галопом, едва касаясь сверкающими копытами воды. Верхом на них, держась прямо за гривы, без уздечек и седел ехали девки с бесстыдно распущенными волосами, в порванных рубахах, визжа и хохоча, как бесовки.

– Это что... водяницы? – ахнула позади Даренка.

Василиса, успевшая взобраться на телегу со сложенными шатрами, махала приближающимся рукой.

– Иииииии! – взвыли водяные девки хором и направили коней прямо на оскалившихся болотных пакостников, успевших за краткое время увеличиться в размерах едва ли не втрое. – Ннннна!

Сумеречные лошади сердито храпели и нещадно молотили передними ногами по заросшим травой макушкам. Кочечники ревели и пытались увернуться, но разве ж сможет бестолковая неуклюжая образина с короткими лапами уйти от удара копытом?

Вскоре все было кончено. Кочечники рассыпались по трясине жидковатой земляной кашей. Анчибалы оказались похитрее и дали деру, как только кони показались на горизонте. Остался лишь вожак, плававший неподалеку мертвой и обгорелой колодой, и перекасти-поле, которому Даренка выжгла серебряным зеркальцем глаз. Он валялся поперек тропы, сухой и безжизненный, и кривые сучья-руки прямо на глазах затягивались мягким мхом.

– Больше не встанет, – усмехнулась черноволосая всадница, обнимающая за шею самого крупного из волшебных коней. – Батюшка наш Переплут, повелитель Ясны и десяти ближайших озер, велел вас сопровождать через болота. Зовите меня Ярой.

Затем желтые ее глазищи скользнули по настороженным девицам, по суровым лицам дружинников и остановились на Василисе.

– Тебе батюшка велел особливо передать, что мы не подлецы какие, не прячемся под корягами, подобно трусливому гольцу, и понимание о чести имеем. Доведем вас до самого Предгорья, чтобы никто больше не обидел.

– Благодарствую, – кивнула Василиса спокойно, словно знала, что так и будет. Затем повернулась к дружинникам и нахмурилась. – Ну, чего стоите? Мало нечисти злобной на сегодня было, еще подождем?

Овсень видел, что Желан открыл рот для возражения, но тут же передумал. Наверное, и сам понимал – не будут одни нечистые духи драться с другими из-за людей лишь затем, чтобы сожрать последних или замучить. Значит, действительно спасти хотели.

И с Василисой они знают. Ох, и непроста ведьмина ученица! И совершенно не бестолкова, как старшие говорили. Очень даже толковая девица, бойкая, отважная. Кинулась защищать и отрока, и главу ватаги, несмотря на злую брань себе же в спину.

– Могу кого-то взять к себе, наши кони сильны, снесут двоих, – усмехнулась черноволосая Яра. При свете дня она почему-то казалась совсем не страшной. Да, мокрая и нечесанная, так и они сами после драки с чудищами ничуть не лучше.

Однако жертвенные девицы лишь помотали встрепанными головами. Цветка даже шаг сделала к Желану. Дружинник хотя бы живой и теплый, а девки водяные – утопленницы, и мало ли, чего они учудят по дороге... Овсень подумал, что Василиса наверняка не испугается и поедет на волшебном коне, и успел расстроиться, но нет, та вскарабкалась ему за спину, на привычное место.

Но не успел он улыбнуться украдкой, как вперед шагнула Даренка.

– Я хочу, – тихонько выдохнула она, сжав руки у груди. – Только про позабавиться больше не говорите, не пугайте зазря!

Яра одарила ее оценивающим взглядом – и прекратила скалиться, будто съесть надумала.

– Не будем, храбрая пташка. Садись впереди, только бирюльки серебряные в котомку назад затолкай. Уж больно жгучие они для нас, водяных дев.

\*

Как не поспешали обычные кони, да только выше головы им не прыгнуть, нет ни сил великих, ни волшебного дара. В ногу с ними приходилось мчаться и лошадам из табуна водяного царя. Поэтому болота преодолели лишь к началу заката.

Даренка до сих пор не могла поверить, что происходящее с ней – не диковинный сон. Что на нее нашло во время боя, откуда взялась смелость влезть в драку с анчибалом – одни прашуры ведают. Может быть, потому что помнила о змее, который сожрет их завтрашним днем? Василиса обещала их защитить, и видят боги, дочка сотника всей душой надеялась, что обещание она исполнит. Но вдруг змей окажется сильнее ведьмы?

Наверное, вчера, за тихими ночными разговорами в шатре, Дарена и перестала бояться. Если одолеют чудище добрые чары – жить им всем счастливо и до ста лет, как боги завещали. А если нет, чего тогда бояться? Какая разница, где смерть сыскать, в зубах идолища поганого



или в ветвях злобного древолюдя? И если все равно помирать – отчего не побороться за жизнь напоследок?

Нигде не сказано, что нельзя защищаться, коли беда на пороге. Девкой родилась, так теперь сидеть и глазами хлопать? Дед и прадед великими воинами были, отец по их стопам пошел, вот и ей отставать не годится.

Отец говорил, у нурманов есть валькирии – девы с крыльями, что души падших забирают в Вальгаллу. Там воинам хорошо живется: вечные пиры, славные драки на кулаках, пляски веселые, вино рекой льется, и еда, достойная княжеского стола, не кончается. Может, и ее за храбрость возьмут в свои ряды славные копьеносицы?

Правда, прислуживать воинам на пиру не слишком уж тянет, Даренка охотнее бы послушала сказы о былых временах. А с другой стороны, наверняка и муж ей там найдется под стать. Не купеческий сынок-растетеха, а воин, что стрелу батькину в руки взял раньше деревянной ложки. И не пакостник блудливый вроде Желана. Подлеца, наверное, в Вальгаллу не пропустят...

Так за мечтаниями, о которых было бы стыдно признаться кому-то вслух, она и провела день. Ну, и по сторонам еще немного глазела, коня волшебного по мягкой гриве гладила, за ушами ласково чесала. Тот в ответ всхрапывал и довольно косил лиловым оком.

Предгорье встретило путников туманом, что стелился по окрестному хвойному лесу, словно рваное лоскутное одеяло. Золотая солнечная колесница катилась к закату, и мужчины торопливо начали сооружать лагерь и ставить шатер. До встречи со змеем оставались ночь и половина дня.

Даренка видела: дружинники смотрели на дочерей водяного царя с опаской. Это девок и детей они могут пощадить, а мужиков – ни за что. Особенно, говорят, лютовали те утопленницы, которых молодые парни сгубили злым словом или делом, да таким, что опосля лишь руки на себя наложить оставалось.

Но без тепла мужского, без огня в человеческой крови плохо спалось на дне, даже в мягкой подушке из песка и тины. Потому и заманивали они в свои сети красавцев, крепких телом и духом, и было тем сладко в холодных объятиях, как никогда в жизни.

Но недолго.

Водяницы же глядели на княжых людей с насмешкой, словно чуяли их страх. Особенно веселилась Яра, то и дело нарочито-хищно облизывая губы и заставляя вздрагивать даже Глуздаря. Юные отроки уехали вперед, к Желану и Цветке – им на эдакий срам даже смотреть пока что запрещалось.

Дочка сотника же не чуяла никакой опасности, потому не беспокоилась. И оказалась права. Как только болота остались за спиной, к предводительнице подскочили еще две девы, такие же лохматые и мокрые, только с рыжими волосами.

– Ярка, ты проспорила! – захохотали они. – Никто из дружинников портки от твоих выкрутасов со страху не обмочил! Давай колечки, как обещала!

Дочь водяного царя гордо тряхнула черной головкой, но кочевряться не стала. Сняла с пальцев два узорчатых кольца, потемневших от воды, и протянула сестрам. Остальные тоже соскочили на землю, и на лужайке, где привязали лошадей, стало шумно и весело. Шутка ли – больше дюжины девиц вместе собрались!

Желан к лагерю ушел последним, забрав с возка котомку с припасами. Даренка уже знала, что там спрятана медовуха. Наверняка мужики решили подсластить сегодняшний тяжкий день веселой попойкой. Хоть бы не удумали ничего дурного сотворить, с пьяных глаз-то.

– Чего уставилась? – не выдержал лидер ватаги, подняв на Яру злой взгляд. – За проводы благодарствую, но дальше мы сами.

– Думаю, не остаться ли с тобой ночку скоротать, с соколиком зеленоглазым, – бесстыдно хмыкнула водяница. – Вот и люблюсь на тебя.

– Тыфу ты, пропасть! – Желан шарахнулся в сторону, осеняя себя знаком Перуна. – Еще я с мертвячкой не ложился! Сгинь, нечестивица, иди вон, с лешими кувыркайся!

И ушел торопливым шагом к костру, что разгорался за кустами ольшаника.

– Да я бы с тобой брюхо опростать на одном поле не села, не то, что на ложе идти, – тихонько фыркнула Яра ему вслед. – Ни живая, ни мертвая бы не села.

Последняя фраза потонула в смехе и окончательно расколола настороженное отчуждение между живыми и мертвыми девицами.

– Колечко у тебя какое красивое, – шепнула Даренке одна из водяниц, глядя с завистью на тоненькую ручку, украшенную медным перстеньком.

Подобные вещицы не стоили почти ничего. Их целую горсть когда-то дали батюшке на торжище, в довесок к двум дорогим клинкам из булатной стали. По приезду домой Ратибор, довольный удачной покупкой, просто раздал их санным и кухонным девкам. Маленькая Даренка, крутившаяся рядом, тут же заканючила, мол, такое же хочу. Напрасно отец ей объяснял, что любимой доченьке княжеского сотника стоит надевать золото и жемчуга, а не пустяковую медяшку. Девочка только накуксилась, собираясь заплакать, и Ратибор махнул рукой – носи, что хочешь.

Сейчас перстень было ей мал, и ближе к вечеру ощутимо жал палец. Выкинуть рука не поднималась, передаривать было некому... До сегодняшнего дня.

– Забирай себе! – радостно улыбнулась Даренка, снимая кольцо и вкладывая его в синеватую ладонь.

Водяница смотрела на нее, открыв рот.

– И не жалко?

– Тебе – нет. За спасение, в благодарность...

Остальные утопленницы зашевелились, заахали, тихонько всплескивая ладонями и поводя островатыми ушами, жадно уставились на счастливицу. Миг – и к ним потянулись беленькие ручки змеевых невест, и в каждой были зажаты дары: перстеньки, запястья, стеклянные бусины. Цветка подала одной из спасительниц глиняную птичку-свистульку, разукрашенную алым да золотым.

– Бери, тебе пойдет больше, чем мне...

– Носи, не снимая, пусть оно принесет тебе удачу!

– Это дедушкина бусина, она хорошие сны навевает... Пусть тебе зимой снится лето!

Шагнула вперед Добронрава – статная, высокая, вровень с Ярой, золотая коса поперек груди лежит. С грустной улыбкой протянула дочери водяного царя гребень, украшенный самоцветами. Та в ответ подобралась, тонкие ноздри хищно затрепетали. Но руку за подарком не протянула.

– Я ведь тебя знаю. Ты княжича младшего любишь, в том году на Купалу венок по реке пускала и имя его шептала. Это ведь его подарок? И не жалко?

– Если мы завтра погибнем, чего жалеть? Пусть лучше у тебя в деле будет, чем у змея в пещере валяться, под грязными лапами, – пожала плечами Добронрава нарочито-равнодушно. – Василиса говорит, что змея можно одолеть, но с ним мужики не справились за семь зим...

Яра только хмыкнула.

– А раз Василиса говорит, вы ее слушайте. После встречи с ней ни один из змеев с целой головой не ушел.

Но гребень все же приняла, а затем взглянула на Добронраву в упор.

– Я буду ждать тебя, девица, когда вы поедете обратно. Княжич ведь тоже по тебе сохнет, и вещь эта пропитана его томлением, его страстью. Мне чужое счастье ни к чему. Привезешь гребень взамен из змеевых пещер, да смотри, чтобы не хуже этого был! И не смей со мной

спорить, раз я сказала, что вы вернетесь живыми – значит, вернетесь. Держитесь Василисы, она баба вредная да злоязыкая, но дело свое знает.

Тут уж зарумянились вдвоем – и ведьмина ученица, и Добронрава. А Даренка, оглядываясь по сторонам, вдруг увидела, что одна из водяниц грустит в сторонке, задумчиво поглаживая подаренную свистульку. Девчонка, видимо, умерла недавно, и года не прошло. Руки еще были гладкие, рубаха почти не рваная, не выцветшая, да и на шее болтались какие-то бусинки на полусгнивших нитках.

– Что с ней? – шепнула Даренка.

– С кем? – недоуменно оглянулась Яра. – Ах, с Лиской? Она разумом немного тронутая, до сих пор в себя после кончины не пришла, не оплакала бывшее. Говорит, не помнит ничего. Только мы знаем, что не сама она по доброй воле из жизни ушла, утопили ее...

– Помню, – отозвалась Лиска. Затем посмотрела на поляну, где стоял лагерь, и повторила. – Глиняную пташку помню, мне матушка такую же с ярмарки привозила. Как прями с подруженьками на посиделках, тоже помню. И его вспомнила.

– Кого? – удивилась Даренка.

– Дружинника золотоволосого, – водяница растерянно моргнула и еще крепче прижала свистульку к груди. – Он меня звал купаться. Долго звал. Обещал на речке показать тропы диковинных зверей, которые рога сбрасывают каждую осень, и птиц, что горят, рассыпаются в угли, а затем снова воскресают живыми и невредимыми. Говорил, за один поцелуй – одна сказка...

Остренькое белое личико сморщилось, будто Лиска собиралась заплакать.

– А потом он делал со мной... противное. И говорил, что сказки только для боярышень, а не для дурочек селянских. А когда я сказала, что пожалуюсь князю-батюшке, не постыжусь позора прилюдного – уволок в воду и долго держал. И там я умерла.

Даренку словно нечистотами из отхожего места с головы до ног окатили! До того противно сделалось на душе, хоть волком вой. А потом стало страшно. Кого князь Вадим послал их сопровождать? Неужто он не знает, какую сволоту пригреб у себя в дружине? И какова же вся ватага, если лидер у них – не только бессовестный охальник, но и насильник, и убийца?!

Нет, нельзя бояться! Девочка помотала головой, хотя сердце билось так, будто вот-вот выпорхнет из груди. Отец ее учил ведь, нельзя перед зверем выказывать страха. А чем Желан не зверь? Убил безвинную, а до этого мучил и истязал, как вздумается. Вон, Василиса не боится, и ей нечего. Чем больше трусишь перед злом, тем сильнее оно становится.

Василиса же, услышав сбивчивый рассказ, выдохнула сквозь сжатые зубы и побледнела.

– Я его убью, – сказала она, скрипнув зубами. – Слышишь, Лисонька? Не сейчас, так потом. Дай только после битвы со змеем в себя прийти.

И тут сердито зашипела Яра.

– Нет, ведьма, не смей его трогать. Если не хочешь врагом всему нашему племени стать. И оскалила острые зубки, сгорбилась, вот-вот сама в чудовище превратится.

– Теперь это наше дело. Мы сами с него за Лиску спросим. Ответит за каждую ее слезинку, за каждый пережитый миг ужаса.

– У него железный меч, а на шее гривна серебряная, – всхлипнул кто-то из младших «невест», то ли Зоряна, то ли Смеяна. – Не дастся просто так.

Яра только хмыкнула в ответ, подталкивая Лиску к коням. Водяницы проворно надели на себя подаренные украшения и взобрались верхом. Миг – и они с гиканьем исчезли в тумане, что начал растекаться и по болоту.

Предводительница задержалась, торопливо заплетая из мокрых черных волос косу. Затем воткнула в затылок гребень Добронравы и сама вскочила на коня. Но, занеся руку над изящной лошадиной шеей, обернулась.

– Мы умеем ждать, пташки. У нас для мести вся вечность впереди. Дружиннику вашему в любом случае не жить. Сухим из *такой* водицы никто не выйдет.  
И ускакала вслед за сестрами.

## Глава 4

В лесу стояла тишина. Только в кустах попискивали ночные птицы, да ветер украдкой шелестел мокрыми листьями. Но на поляне у костровища было жарко и шумно. Дружинники хохотали, бренчали на взятых в дорогу гусях и веселились, как в последний раз.

По чарочке забродившего медового питья досталось всем, даже жертвенным девицам. Даренка ощутила, как сладкий хмель растекается по животу изнутри, как в голове щекочет одуванчиковое поле вперемешку с мягкими колосками. А когда они, отужинав, ушли в шатер подальше от мужских глаз и окаянного Желана, тяжелая ледяная глыба на душе стала, наконец, истаявать.

Остальные девицы тоже сыто клевали носами. И лишь Василиса не притронулась к хмельному. Она была сосредоточена и сердита, история с Лиской явно не давала ей покоя. Но виду старалась не показывать. Наоборот, порылась в котомке и достала переливчатые синие бусы, что заставили ахнуть остальных невест. А затем удивила еще больше, полоснув по шнурку, на который они были нанизаны, узким ножичком. Дорогие стеклянные бусины с шорохом сыпались ей в ладонь.

– Держите, – шепнула она, протягивая руку в полутьме шатра. – По одной на гайтан или на браслет, и не снимайте ни за что.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.